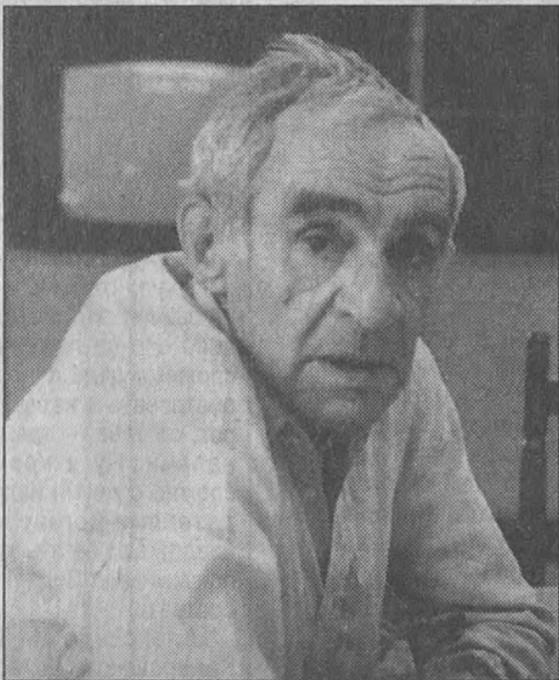

первая буква
алфавита

Руслан ЯМАЛОВ

Что ОНИ со мной делают

Зиновий ГЕРДТ

Я становлюсь таким же наглецом как ОНИ. Ведь были же у меня жизненные установления, с которых никакая сила сдвинуть меня не могла. Уважаемые коллеги, подтвердите: ни разу не пришел я на съемку, спектакль, концерт, репетицию с несерьезной даже долей алкоголя внутри. А как я ездил за рулем еще каких-то пять лет назад! Я, кому любой инспектор ГАИ готов был простить гораздо большие прегрешения, чем другим мелкие, — я ездил так, что комар носа не подточит.

И вот-нате вам. Теперь в гостях, на всех юбилеях, презентациях — чтоб они пропали! — выпиваю как последний пижон-новичок. Стрелка спидометра? Я забыл, где этот прибор расположен. Разворачиваюсь, где мне удобно, лишь бы инспектор не увидел.

Помню лет семь назад основательно ремонтировали метромост у Лужников, оставив узенькую протоку для проезжей части как раз на одну машину. И все покорно ставились чуть ли не в километровую очередь. Но вся-

Общая газ. - 1993. - 9-16 июля - с. 1
кий раз находились такие, кто на хорошем ходу ехали мимо этой бессловесной «мелочи», ничуть не стесняясь, а там наверху втирались в протоку. Думаете, это кого-либо возмущало? Ничуть не бывало. Впрочем, «мелочь» не так уж и бессловесна. То тут, то там возникали реплики тональности не злобной, а скорее брезгливой: «хитробокие»... или что-то в этом роде. А в общем-то все мы были не злоблively.

Наш лифт — это витрина нравов. В течение года кто-то ежедневно в нем мочился. Поймать «шутника», согласитесь, невозможно. И жизнь от этого становится совсем безысходной. И вот под прошлое Рождество мне пришла счастливая мысль, скорее богатейшая рифма. Красивым почерком я вывел на листке:

*Дорогие, осчастливьте,
Перестаньте писать в лифте.*

К тому же дочка пристроила небольшое зеркало и еще приткнула еловую ветку и вырезала ангелочка. Ввернули поярче лампочку и красота возникла несказанная... Не надолго. Зеркало... кто-то попенял на него кулаком вдребезги, лампочку заменили на тусклую, но волшебная сила искусства торжествует до сих пор: в лифте чисто, тыфу-тыфу.

Минуточку! Я сильно отвлекся от главного. Очень уж хотелось опубликоваться как по-эту. Порча коснулась и меня, такого законопослушного, не нахала. Мне кажется, я отвечаю себе с безжалостной определенностью: происходит не только, вернее не столько экономический и политический обвал, а чудовищный этический сдвиг в обществе.

Короче, считается вполне возможным, непредосудительным все время громко говорить о веревке в доме повешенного. Высокопоставленные лжецы, стукачи, предатели, подстрекатели смертельных потасовок, плюют на мои тревоги и размышления о нравственных устоях. Могу ли я бороться с ампиловыми? Нет, конечно. Я не знаю, как это можно бороться без правил, а они понятия не имеют о правилах вообще. Единственно что мне остается — устоять. Не поддаться. Не позволить меня разрушить. Не дать хаму заразить меня. Меня и всех, кто со мной.

Озверев от разнузданной езды вокруг, сказав привычное: да ладно, идите вы все..., и, развернувшись в совершенно несусветном месте, через три минуты я начинаю испытывать презрение к себе за вхождение в клан «хитробоких», а еще через три минуты, думая о родителях и прожитой жизни, знаю, что сумевши бросить курить после шестидесяти лет курения, смогу одолеть и это — не поддаться, устою.